

Николай Лесков

Путимец

Николай Лесков

Путимец

«Public Domain»

1883

Лесков Н. С.

Путимец / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1883

«Напечатанные в 1883 году в журнале «Киевская старина» письма Н. В. Гоголя (которые до сих пор оставались неизвестными) пробудили в моей памяти воспоминание об одном устном рассказе, касающемся юношества поэта. Рассказ этот я не раз слышал в пятидесятых годах в Киеве от большого моего приятеля, уроженца города Пирятина, художника Ив. Вас. Гудовского, а он сказывал это со слов другого своего земляка, известного в свое время малороссийского патриота и отчасти тоже немножко поэта – Черныша...»

© Лесков Н. С., 1883

© Public Domain, 1883

Содержание

I	6
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Лесков

Путимец

Из апокрифических рассказов о Гоголе

Напечатанные в 1883 году в журнале «Киевская старина» письма Н. В. Гоголя (которые до сих пор оставались неизвестными) пробудили в моей памяти воспоминание об одном устном рассказе, касающемся юношества поэта. Рассказ этот я не раз слышал в пятидесятых годах в Киеве от большого моего приятеля, уроженца города Пирятина, художника Ив. Вас. Гудовского, а он сказывал это со слов другого своего земляка, известного в свое время малороссийского патриота и отчасти тоже немножко поэта – Черныша. Черныш же слышал это от какого-то своего родича, который был знаком и даже, кажется, дружен с Гоголем во время его студенчества в Нежинском лицее. Этого рассказа я нигде не встречал, ни в одних материалах для биографии Гоголя, но также и не смею думать, что он достоин занять там место. Правдивость события, о котором хочу рассказать из пятых уст, мне отнюдь не представляется несомненною, хотя, однако, в этом предании мне чувствуется что-то живое, что-то во всяком случае как будто не целиком выдуманное. А потому я думаю, что это необходимо сберечь, хотя бы даже как басню, сочиненную о крупном человеке людьми, которые его любили.

Если даже это и целиком все сплошная фантазия (что допустить очень трудно), то почему не послушать, как фантазировали о гениальном юноше его соотечественники.

I

В бытность Гоголя студентом Нежинского лицея старшему Чернышу случилось ехать с ним вместе верст за пятьдесят или за сто от Нежина в деревню в гости к каким-то их общим знакомым.¹ К кому именно – не знаю, но ехали они вдвоем, «паркою на почтовых», и в перекладной тележке.

На дворе стоял невыносимый июньский зной, и раскаленный малороссийский воздух был полотой тонкой черноземной пыли, которая умеет пронизать все – обратить путников в арапов, слепить их волосы и запорошить им глаза, нос и уши. Уста пересыхали, в груди томящая жажда, а руки нет силы поднять от усталости. Вокруг широко расстилается неоглядная малороссийская степь, и кажется, нет ей ни конца, ни предела. Во всем поле не встречается никакого живое существо; даже мелкие птички, и те, притомившись, пали к хлебным корням, и не видно их там, где они перемогают этот страшный зной огнепалящей печи. Только одни грязные оводы с огромными зелеными глазищами неотступно мычатся над несчастными взмысленными конями и еще более увеличивают их мучительное терзание.

Родич рассказчика сильно измучился и раскис, а потому был не в хорошем расположении духа, но Гоголь, к удивлению его, не поддавался жаре и был, напротив, очень бодр и весел. Он, как известно, любил жару и теперь шутил, говоря, что на таком угреве хорошо было бы раздеться да полежать голому на солнце в горячем просе. Малороссийские сибариты старинного закала бывали большие охотники до этого своеобразного наслаждения, и Гоголю оно тоже нравилось, или он так поддразнивал своего нетерпеливого к жаре спутника. Гоголь все мурлыкал песенки, вертелся, подсвистывал на коней, сгонял прутиком оводов и в шутиливом тоне заговаривал с ямщиком. Но ямщик на эту пору попался им самый несловоохотливый, и как Гоголь его ни заводил на разговоры, наконец должен был от бесед с ним отказаться. И вот тогда-то его перекинуло на спутника.

Родич Черныша Столько же страстно любил малорусский народ, сколько недолюбливал «кацапов», то есть великороссов. Таких людей здесь было много. И как у нас в свое время были любители говорить местами из «Горя от ума» или из «Мертвых душ», так и у этого была своя любимая книжка – это повесть о том, «как в Туле надули малороссийского паньча». Что бы он ни прослышал из великорусских нравов, на все у него была из той книги готова поговорка: «Кого наши не надуют».

Этак он и сожалел «кацапов», и похвалял их, и порицал, и как будто вместе с тем радовался, что их уже никто в мире не надует.

«Бо вони мертве теля – и те надувають» (то есть убитого тельца, и того надувают).

Особенно этого чудака раздражало «московское плутовство», о котором он сам, будучи человеком безукоризненно честным во всех делах, как крупных, так и мелких, не мог слышать без душевного раздражения и всегда из-за каждого пустяка в этом роде готов был кипятиться, и кипячение это поддерживал искреннею патриотическою скорбью, «що ті бісові плути, кацапи, наш добрий, хрестиянський люд поспують».

Утрированная скорбь его, может быть, имела для себя какое-нибудь оправдание.

Гоголь, конечно, хорошо знал эту слабость своего приятеля, и, может быть, потому, что ему хотелось, как говорится, «завести орган», а может, и потому, что он, сколько известно, и в самом деле не разделял крайностей малороссийской нетерпимости, а даже любил «русскую удаль», – он начал по поводу ямщика-малоруса разговор о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и веселом.

¹ Помнится, будто родственник Черныша, сообщавшего этот рассказ Гудовскому, тоже назывался Черныш. Во всяком случае, для удобства в изложении мы будем звать его этим именем (*прим. Лескова*).

– Совсем другое! – восклицал Гоголь, – великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь – и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. «Душа нараспашку...» Совсем другое!

А Чернышев родич отмечал в этом расхваливаемом великорусском типе другие, противоположные черты: он указывал на кацапское бесстыдство, попрошайство, лживость, божбу и прочее, чем нас обыкновенно попрекают соседи.

Гоголь очень спокойно, но без пристрастия, делал на это свои возражения и до того раззадорил Черныша, что тот, несмотря на усталость, начал и с своей стороны отвечать горячо и нетерпеливо.

Слово за слово – разговор приятелей перешел в спор, который, по мнению Черныша, Гоголь, очевидно, нарочно путал, чтобы было больше о чем спорить без всякого конца и результата. Черныш это видел и знал, что Гоголю иногда приходили такие фантазии, чтобы подразнить приятеля, но впал в такой задор, что не мог удержаться и продолжал спорить. Да и нельзя было удержаться, потому что Гоголь, по его мнению, стал уже высказывать какие-то очевидные и для пылкого малороссийского патриота совершенно нестерпимые несообразности.

II

Спор особенно обострился на том, кого легче можно культивировать, то есть воспитать и выучить, – хохла или кацапа? Гоголь это расчленил и осложнял очень обширно и, кажется, верно.

О том, что великорусский человек против малорусса гораздо находчивее, бодрее и «майстеровитее», – Чернышев родич Гоголю и не возражал. Напротив, в этой части он ему почти все уступал и говорил, что научить ремеслам и всяким деловым приемам «кацапа» можно гораздо скорее, чем приучить к тому же самому в соответственной мере хохла; но чтобы великоросс мог подать булыжные против малорусса надежды для успехов душевной, нравственной воспитанности, без которой немыслимо гражданское преуспеяние страны, – это Черныш горячо и решительно отвергал, а Гоголь защищал «кацапов» и, как Чернышу тогда казалось, «говорил будто бы разные глупости».

– Кацапы, – проповедовал Гоголь, – такой народ...

– Душевредный! – перебивал Черныш.

– Нет, не душевредный, а совсем напротив.

– Надувалы и прихлебалы.

– Да, да, – «надувалы и прихлебалы» и все, что тебе еще угодно, можешь отыскать в них дурного, а мне в них все-таки то дорого, что им все дурное в себе преодолеть и исправить ничего не стоит; мне любо и дорого, что они как умственно, так и нравственно могут возрастать столь быстро, как никто иной на свете. Сейчас он такой, а глазом не окинешь – как он уже и перекинется, – и пречудесный.

– Перекинется из сороки вороною, – оторвал Черныш.

– Почему и для чего вороною? Нет, не вороною, а ясным соколом. У них это так и в сказках. Чудесные сказки! Ведь ты не читал этих сказок!

– Читал или не читал – это все равно: сказки на то и называются сказками, чтобы им умные люди не верили.

Гоголь весело расхохотался и, сделав гримасу, комически произнес:

– «Сказки» и «умные люди»... Ой же вы, умные люди! Яки вы поважны да рассудльвы. А ти вже, що сказкъ складали, – ти, видать, буль дурни? А вот же вас и не стане, а сказки останутся. А впрочем, если уже ты такой умный человек, что тебе сказки не по плечу, то читай книги божественные и там то же самое увидишь.

– Какие это именно книги, и что там о твоих кацапах сказано?

– Читай, что писано в «Житиях» о русских святых... Какие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник – завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец – завтра постник и праведник... Как вы всего этого не понимаете и не цените!

– Зато ты ценишь.

– Да, я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!

– Не скорби.

– Нет, нет: я не могу об этом не скорбеть! Ты их не любишь, а Христос их любил.

– Кого это: твоих кацапов?

– Да! то есть таких людей, как кацапы, – людей грешных, да способных быстро всходить вверх, как тесто на опаре... Закхей и Магдалина, слепец Вартимей... Над ними явлены чудеса! Только подумай, этот Вартимей... какая, по-твоему, была его слепота? Мне сдается – душевная. Чем он был слеп? – тем, что ничего не видали очи его помраченного ума... И вдруг... одно только слово, одно «малое брение», плюновение на землю, и очи отверзлись... И как

широко... как далеко взглянул он. Все роздал – себе ничего не оставил. Чудо! и прекрасное чудо!.. Люблю это чудо, и люблю таких людей, с которыми оно творится.

И уж тут, как Гоголь зацепил Закхея с Магдалиной да этого Вартимея, то знавший его привычки Черныш только рукой махнул и сказал ему:

– Ну-ну, теперь «воссел еси, господи, на апостоли твоя, яко на кони, и мир бысть еждение твое».

Гоголь рассмеялся, но тем не менее все продолжал ораторствовать на свою тему.

Черныш молчал. А тем временем жара и истома становились еще сильнее, и вдруг, как неожиданная благодать, завиднелись впереди из-за хлебов присельные ракиты над греблей; потом сверкнул верх гнutoго журавля над колодцем, и, наконец, постепенно открылось большое село и при самом въезде в него – колодезь. Здесь была надежда напиться самим и напоить лошадей.

Путники остановили коней и пошли в ближайший дом просить бадейки, чтобы вытащить воды из колодца.

Но попытка была напрасна; бадейки, которою бы можно зачерпнуть воды в колодце, в этом доме не оказалось. Хозяйка, истощенная пожилая женщина, отвечала:

– Мы, выбачайте, люди паньски, у нас ничогисеньки нема.

Черныш сейчас к этому случаю и прихватился.

– Ничогисеньки, говорит, у них нема, – бо они «паньски»... А кто их, бидаков, закрипостив? Ге! то це вона «мать отечества», сия большущая, великая жена, твоя всероссийская Екатерина!

Гоголь притворился, будто не слышит и занят только тем, чтобы «достать ведёрце».

Однако в самом деле они насилу в третьем или в четвертом доме только достали нужное им «ведёрце». Такая была здесь повсеместная бедность! А потом вытащили из колодца такую дрянную воду, что даже при всей великой жажде пить ее не могли. Какая-то совсем белая, соленая и противно отдает ржавым дротом (ржавую проволокою). Хочется пить, что называется «душа мрет, а утроба не принимает». А тут еще в сениях, на земляном полу, лежит лет пятнадцати хлопчик и прежалостно стонет... Такой жалкий, что видеть невозможно без душевной муки. Тощий и «притомленный», он словно ждет кончины и томится в мучительной огнечице: мух от себя отогнать даже не может, а между тем говорит с тихим юмором:

– Ага! що?.. бачите, яка у нашої кринички добра водичка! Наша криничка глубока, та и припогановата... А вы з нии лучше не пиите, а идти по тий бок села до кацапа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.